

«Русская мысль»

Несколько лет назад режиссер Анатолий Васильев в театре «Школа драматического искусства» показал спектакль «Плач Иеремии», поставленный на музыку композитора Владимира Мартынова. Затем вышел спектакль «Дон Жуан, или Каменный гость и другие стихи Пушкина». И вот теперь в театре Васильева — пушкинская маленькая трагедия «Моцарт и Сальери», разыгранная в музыкальном пространстве, созданном композитором Мартыновым. Можно сказать, что в спектакле «Моцарт и Сальери» соединились высокая аскетическая духовность «Плача Иеремии» и красота, значительно превосходящая достижения «Каменного гостя» в области эстетической.

Васильев во второй раз взял в соавторы Владимира Мартынова, реставратора традиций духовной музыки, «Реквием» которого в исполнении ансамбля «Сирин» звучит в спектакле и самим композитором трактуется как «молитва о черном человеке, вступающем в область вечного света». «Черный человек» — это человек Нового времени, утерявшего подлинную религиозность, связь с Богом, породившего индивидуализм, страх смерти. Мартынов в своем «Реквиеме» словно бы пытается вернуть «черному человеку» чувство радости и благодати смерти, открывающей перед ним мир покоя и счастья, восстанавливающей его связь с Творцом.

«Черный человек» здесь — Моцарт (И.Яцко), действительно одетый во все черное, с черным пушкинским цилиндром на голове, романтический гений, в равной степени преданный и своему творческому предназначению, и своим мрачным страхам. Подчеркнута близость Моцарта и Пушкина обнаруживает, что образ омраченного гения понят предельно обобщенно. Васильеву важна не конкретная личность или конкретный характер, а духовная сущность.

Сальери (В.Лавров) — антипод Моцарта. Это подчеркивается его ослепительно белым камзолом. Но главное — его идеей. Роль начинается знаменитой фразой: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Идея Сальери и заключает-

ся в дозволенности убийства. Он ставит опыт, проводит эксперимент и в этом отношении словно уподобляется средневековому алхимику, «колдующему» с огнем и жидкостями в прозрачных колбах, готовящему смертоносный яд. А в

После того как Моцарт подносит

Черный человек, Моцарт

Русская мысль.
Париж. — 2000. —
4 мая. — с. 17.

Сцена из спектакля.

финале к нему, как к Ивану Карамазову, является бес.

Историю Моцарта и Сальери режиссер выводит из пространства земли в пространство неба, за счет чего она совершенно преображает-

ся. Отметим ключевые сцены спектакля. После того как Моцарт подносит

Сальери — В.Лавров.

к губам высокий хрустальный бокал с ядом, обстановка на сцене резко меняется. Наступает темнота, падает занавес, и зрители оказываются зажатыми, запертыми в своем маленьком партере, будто превратившемся в корабль, который бросает из стороны в сторону в открытом море. Вой и оглушительный грохот стихии символизируют сам момент смерти, внезапный и трагический. Но вот стихия умолкает, занавес поднимается и открывает картину совершенно противоположную. Слева на легкой и высокой лестничной конструкции расположился хор. Женщины в зеленых с золотом хитонах, с неким подобием нимбов на голове, муж-

чины в удивительных по сложности и стилю костюмах (возможно, церковнослужители, а возможно — сами небесные силы) исполняют «Реквием». Красота пения, атмосфера торжественной радости, грация поз, богатство красок

ческой, индивидуалистической и конфликтной.

Некогда, в начале своей творческой деятельности, Васильев был занят социально-нравственными проблемами жизни. Он мрачно рассказывал о самом себе и своем поколении, людях с советской «обочины», не способных примирить идеалы и реальность. Сегодня он выступает как представитель некоего художественного аристократизма. В то время как весь остальной театр, напротив, демократизировался, стал более утилитарным, обслуживая запросы различных слоев зрителей, Васильев, кажется, сознательно идет наперекор общему театральному процессу, занимая ту же самую конфликтную позицию, которая отличала его и прежде, еще в 70-80-е годы, когда он утверждал себя как независимый художник. Конфликтность как будто передается и пространству театра на Поварской: с одной стороны — подвальное помещение, с другой — изысканный, стильный интерьер эпохи модерна.

ПОЛИНА БОГДАНОВА

Москва

10.05.2000

Мартынов Владимир